

***

Маламуд Ш. Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии. М., 2005.
Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XIX–XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Сарианиди В. Гонур-депе. Город царей и богов. Ашхабад, 2006.

Л.С. Лаврентьева

**«ГОВОРИТЬ ПО-АРАБСКИ»
(ИЗ ПРЕДМЕТОВ ГАГАУЗСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ
ПОЛКОВНИКА В.А. МОШКОВА)**

В фонде отдела Европы хранятся предметные и иллюстративные коллекции, поступившие от известного исследователя и собирателя конца XIX — начала XX в. Валентина Александровича Мошкова. Получив военное образование, он всю жизнь состоял на военной службе и науке отдавал лишь свободное время. И, как пишет А.М. Решетов, В.А. Мошков в науке достиг значительных успехов. «Особенно значителен его вклад в гагаузоведение, основоположником которого он по существу и является» [Решетов 2003: 5]. И, действительно, ни одно современное исследование по гагаузской культуре не обходится без упоминания работ В.А. Мошкова.

Важнейший труд В.А. Мошкова — серия статей «Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы)» — был опубликован в нескольких выпусках «Этнографического обозрения» за 1900–1902 гг. В них содержится большой фактический материал, прodelывается научный анализ, приводится сравнительный материал по другим культурам. Когда он работал в гагаузских селах, ему удалось приобрести интереснейшие коллекции для Кунсткамеры.

Вопрос о происхождении гагаузов особенно активно обсуждался в конце XIX — начале XX в. «Тюркская» теория происхождения гагаузов, предложенная проф. Иречком, нашла себе много последователей [Токарев 1958: 203]. Среди них был и акад. В.В. Радлов, который с 1894 г. возглавлял Музей антропологии и этнографии [Решетов 1999: 137–155]. В Бессарабии и другие районы гагаузы начали переселяться вместе с болгарями после русско-турецких войн в конце XVIII в. Большая часть их пришла оттуда в 1806–1812 гг.

В.А. Мошков собирал сведения и коллекции среди самой многочисленной группы гагаузов, живущих в Бессарабии, в Бендерском уезде, Комрадской волости в деревне Бешалма и в Измайловском уезде, Болградской волости в селе Конгаз, т.е. в южной части правобережной Молдавии. В 1861–1862 гг. часть бессарабских гагаузов переселилась в Таврическую губернию. Молдавские ис-

следователи пишут, что в 90-е гг. XIX в. В.А. Мошков выезжал дважды в гагаузские села Бессарабии, пробыв там более года [Журугло 1980: 6]. Представляется, что именно в этот период им и был собран не только богатейший этнографический и фольклорный материалы, но и коллекции для Кунсткамеры.

В своей работе «Гагаузы Бендерского уезда» В.А. Мошков дает очень подробное описание вещам, приобретенным для музея. В частности он описывает детский чепчик (тбкд), который и привлек наше внимание среди других предметов его коллекций.

Вот что пишет В.В. Мошков. «Голове ребенка гагаузы подвязыванием платка и устройством чепчика (тбкд) стараются придать круглую форму» [Мошков 1900: 26]. И действительно, сам крой чепчика и вытачки у основания способствуют формированию головки ребенка и поддерживают ее более жестко. Далее В.А. Мошков отмечает, что «при шитье чепчика для ребенка женщины хлопчат очень много об его украшении. Он делается из зеленой или вишневой шелковой материи и обшивается по краям черным бархатом, а также черными и белыми кружевами.

Вся наружная поверхность также украшена пришитыми к нему в различных местах, синими, зелеными и красными ленточками и розетками из тех же лент (гюль). Здесь же можно увидеть рисунки (харачча), вышитые из разноцветного бисера (бонджук). Кроме того, к чепчику пришивают кораллы (мерджан), мелкие украшения из разноцветных стекол в форме листочков с ушками, которые известны здесь под именем диль-гиз, что значит язык-глаз, жемчужинки (седеф), маленькие медные крестики и такие же миниатюрные медные иконки с ушками, раковинки (селюк) и даже финиковые косточки (урма-чекердек), почему-то тоже причисляемые к числу украшений» [Мошков 1900: 26]. На чепчике из коллекции В.А. Мошкова имеются почти все отмеченные им предметы, за исключением финиковых косточек и кораллов.

Многие исследователи гагаузской культуры указывают на сохранение в быту многочисленных языческих обычаев и обрядов. В XIX — начале XX в. у гагаузов бытовал сложный комплекс обычаев, обрядов, верований, связанных с рождением и воспитанием детей. Важными событиями в семье считалось рождение ребенка, исполнение шести месяцев и одного года. Многочисленные обряды в семье совершались и в связи с его успехами в речевой и физической деятельности: первое слово, первый шаг, отлучение от груди и т.п. [Журугло 1980: 34].

Крой чепчика универсален и широко используется даже в настоящее время, причем у самых разных народов. Известно, что размеры и форму головы младенца тщательно контролировали, так как эти параметры свидетельствовали об умственных способностях человека. Мы до сих пор говорим: «Большая голова — умный зна-

чит». По форме головы определяли, умным ли вырастет младенец: «Толстоголовый и широкоголовый — умный будет, востроголовый — глупый» [Мазалова 2001: 17].

Представляется, что большое значение придавалось выбору ткани и особенно ее цвету. Чепчик из коллекции В.А. Мошкова сшит из темно-вишневой шелковой ткани, край отделан черным бархатом, черным и белым кружевом.

Среди предметов, пришитых к чепчику, можно выделить две группы. Это предметы, наделенные христианской символикой (маленькие медные крестики, маленькая иконка с ушком и перламутровые бусины), и предметы не христианской символики: бисерные украшения, украшения из стекла, ракушки и розетки из разноцветных лент. Исследователи среди обязательных украшений отмечали и синие или красные бусинки «от сглаза» [Марунович 1988: 146], но на данном чепчике подобных бусин нет.

Откуда же женщины брали эти украшения — талисманы? Многие украшения привозили ходоки к святым местам. Нам известно, что наиболее ценились перламутровые привозные бусы — седеф. Женщины эти бусы из нескольких рядов носили постоянно чуть ли ни с рождения, считая, что они обладают оберегающей силой. Эти бусы получили широкое распространение. Их носили и болгарки, и молдавские женщины, и украинки, и гречанки, и другие.

Обычным было ношение и крестика (ставро) — медного, костяного, перламутрового, реже из драгоценных камней. Эти крестики тоже были привозные. Привозили из святых мест и маленькие иконки с ушками.

На нашем детском чепчике представлены два медных крестика, одна медная иконка и перламутровые бусины. В качестве украшений используются и четыре ракушки, вероятно, их тоже привозили с берегов Средиземного моря.

Помимо предметов христианской символики, на чепчике имеются украшения, выполненные непосредственно при его изготовлении. Это украшения из бисера и розетки из разноцветных лент. Есть еще украшение из стекла в форме листика с ушками. Все украшения укреплены в местах расположения ушек младенца, где заканчиваются вытачки боковых частей чепчика, в районе височной косточки на шве чепчика, на теменной части и затылочной. Таким образом, все эти украшения маркируют особо значимые зоны головы. Стоит заметить, что эти зоны универсальны и отмечены во многих культурах.

Как известно, голова — это синоним человека. Чепчик младенца закрывает все части головы, кроме лица: Закрывают лоб — чело, так как через него в тело человека могут проникать болезни, они как бы «оседают» на нем. Уши — по традиционным представле-

ниям не только орган восприятия звуков, но это и входы в тело человека. Через них могла проникнуть болезнь, в ухе она могла и локализоваться [Там же: 30–31]. Интересно, что розетки из цветных лент, выполненные по бокам чепчика, удивительно напоминают уши. Основное украшение этих розеток — медные крестики.

Украшениями на чепчике отмечены и височные точки. На правом виске укреплен медная иконка с изображением святого Николая, на левом — украшение из стекла и перламутровая бусина. Название украшения из разноцветного стекла в форме листочка с ушками «диль-гцз» переводится как «язык-глаз». В южно-славянских диалектах висок называется «сляпо око» (болг.), «слепое око» (сербо-хорв.). Как считает Н.Е. Мазалова «вероятно, из-за находящейся на нем яремной впадины» [Там же: 21].

В народных представлениях темя является верхней границей человеческого тела, это один из входов в тело, а значит это самая уязвимая зона. Именно через темя могут проникать болезни, а зарастает темечко только к двум годам. Этим и можно объяснить действия матери, направленные на защиту младенца. На теменной зоне чепчика расположена круглая розетка из лент двух цветов (синяя и красная) и двух подвесок. Одна состоит из трех бусинок и ракушки, а другая подвеска — из бусинки и ракушки. На краю розетки ближе к лобной части прикреплено украшение из бисера в виде гребешка с блестками на конце. «Перед тем как выносить младенца на улицу, на его темя кладут крошку хлеба или соли» [Там же: 18]. Интересно отметить, что обычай сыпать на макушку ребенка соль перед выходом его из дома распространялся и на детей старшего возраста.

Наибольшее количество украшений сосредоточено в затылочной части чепчика. У младенцев, кроме большого родничка (у места соединения теменных костей и лобной), есть также малый (задний) родничок, расположенный между теменными и затылочными костями. Задний родничок зарастает уже на 2–3-м месяц после рождения. Затылок рассматривается как невидимое отверстие, расположенное симметрично ноздрям, носовой полости и глазницам [Там же: 20]. Здесь украшения из лент образуют треугольник. На нижнем углу этого треугольника укреплено украшение из бисера.

На нашем детском чепчике имеется два украшения из бисера: на теменной части и затылочной. Украшения из бисера необычны. Одно украшение имеет прямоугольную форму с бахромой из того же бисера, на концы которой укреплены блестки. Другое бисерное украшение имеет рисунок в виде ромба из нескольких рядов разноцветного бисера и бахрому. Рисунок называется «харапча» — об том сообщает В.А. Мошков в своем описании. Если мы обратимся к гагаузскому языку, то термин можно перевести как «харап», «арапча» —

«говорить по-арабски» [Гагаузско-русско-молдавский... 1973: 52]. Несомненно, эти украшения имели глубокий смысл и указывали на общность этого народа, на его единство, на то, что его отличало от других и объединяло со своими — язык. Необычную форму этих украшений мы обнаруживаем и на традиционных коврах. Исследователи сравнивают их с гребнями для забивки плотности ковра или с колосками. Нам же хотелось отметить более глубокое значение украшений на детском головном уборе — как этническим знаке, знаке принадлежности ребенка к локальной общности, как средстве магической защиты, продуцирующем и развивающем те или другие способности ребенка.

***

Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.

Курогло С.С. Семейная обрядность гагаузов в XIX — начале XX в. Кишинев, 1980.

Мазалова Н.Е. Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001.

Маруневич М.В. Материальная культура гагаузов XIX — начала XX в. Кишинев, 1988.

Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы) // ЭО. 1900–1902.

Решетов А.М. О письмах В.А. Мошкова к академику В.В. Радлову. А.В. Мошков как ученый (К 150-летию со дня рождения) // Rocznik Orien Tylistyczny. 2003. Т. LV, Z. 1.

Решетов А.М. В.В. Радлов — директор Музея антропологии и этнографии Императорской Академии наук // Немцы в России. Петербургские немцы. СПб., 1999.

Л.Р. Павлинская

ОБОО В КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНЫХ САЯН: ЖИЗНЬ ТРАДИЦИИ ВО ВРЕМЕНА ПЕРЕМЕН

Обоо является одним из самых распространенных культовых сооружений на территории Центральной Азии, а также Бурятии и Тувы. Слово обоо (бурят. *обоо*, тувин. *оваа*, монгол. *овоо*, тибет. *лабцзе*) означает каменную насыпь, которая символизировала священное местопребывания духа-хозяина конкретного места или духов-хозяев определенной территории. По мнению большинства ученых, обоо восходит к древнейшим представлениям о Вселенной, воплощенной в образе Мировой Горы, и связано с развитием в традиционных культурах Центральной Азии и Южной Сибири культа гор, вошедшего позднее в религиозную систему ламаизма и занявшего в нем особое место [Жагаров 1927; Дьяконова 1975; Жуковская 1977; Абаева 1992; Алоева 1999; Павлинская 2002].